

**БЫТОВАЯ КУЛЬТУРА ДОНСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА
(поселения и жилища)**

М. А. Коломейцева

**THE MODE OF LIFE OF THE DON PEASANTRY IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY
(settlements and dwellings)**

M. A. Kolomeytseva

Статья посвящена изучению материальной культуры донского крестьянства во второй половине XIX века. Предметами исследования являются поселения и жилища крестьян, а также уровень инфраструктуры, обеспечивающей их развитие. Цель работы – выявить особенности бытования донского крестьянства, составлявшего отдельную категорию в социальной структуре Дона, в которой привилегированное положение занимало служилое казачество. Автором вводятся в научный оборот неопубликованные источники, использованы материалы периодической печати изучаемого периода, статистические данные. Обращение к теме исследования является актуальным в ходе изучения социальной истории и истории культуры, аграрной истории на материалах юга России. Сделан вывод о крайне низком уровне жизни крестьянского населения, неразвитой социальной инфраструктуре. Показано, что в пореформенный период в среде крестьянства активно шел процесс расслоения, что нашло отражение и в материальной культуре, организации повседневной жизни.

The paper studies the material culture of the Don peasants in the second half of the 19th century. The subjects of the study are settlements and homes of peasants, as well as the level of infrastructure for their development. The paper aims at revealing the features of peasants' life on the Don; they constitute a separate category in the social structure of the Don, where the privileged position was occupied by Cossack servicemen. The author introduces some previously unpublished sources, materials, periodicals of the studied period, as well as the statistical data. Researching this topic is relevant for the study of social and cultural history, agrarian history of Russia based on the materials from the Russian South. It is concluded that the level of life of the peasant population was very low, the social infrastructure was poor. It is shown that in the post-reform period the active process of peasantry differentiation took place, which is also reflected in the material culture, the organization of mode of life.

Ключевые слова: Дон, крестьянство, материальная культура, быт, поселения и жилища.

Keywords: the Don, peasantry, material culture, way of life, settlements and dwellings.

Материальная культура, быт и уклад жизни характеризуют уровень и особенности развития общества. На формирование материальной культуры оказывают внимание как внешние факторы – природная среда, окружение, так и исторически сложившие традиции, проводимая государством социальная политика, уровень материально-технического развития.

Объектом нашего исследования является крестьянство Области войска Донского, предметами – особенности материальной культуры и быта, в частности – поселения и жилища. Материальная и духовная культура донского крестьянства отличалась особым колоритом, многообразием форм и выразительных средств, что объяснялось тесным переплетением в ней элементов общероссийской земледельческой культуры, собственно культуры донских крестьян, заимствований из традиционного казачьего уклада. В чем-то подражая казачеству, в чем-то противопоставляя себя ему, донское крестьянство – крайне неоднородное по своему составу, создавало и развивало собственную культуру.

Обращение к вопросу бытовой культуры является актуальным при воссоздании исторической картины развития крестьянства Дона, изучения социальной истории. Тематика остается одним из малоизученных вопросов в историографии региона, в которой основное внимание традиционно уделялось казачеству.

Вплоть до 1861 г. крестьянство области войска Донского в основной своей массе находилось в феодальной зависимости от донских помещиков. Особенности становления института крепостничества на До-

ну были таковы, что владения донских помещиков зачастую располагались на казачьих юртовых и станичных землях. Потому нередко крестьянские поселения оказывались среди собственно казачьих довольствий, что впоследствии значительно затруднило разрешение аграрного вопроса на Дону.

Крестьяне бок о бок проживали с казачеством, но в то же время положение двух основных категорий населения – казачества и крестьянства – кардинально различалось. Особенность развития региона определялась приоритетом войскового казачьего сословия в социально-правовом и экономическом отношениях. Основное внимание Войсковой администрации уделялось развитию казачества. Вопросы, касающиеся крестьянства, разрешались через мировых посредников, затем – Областные и окружные по крестьянским делам присутствия, после введения земства – земские управы, а с их упразднением – Распорядительный по земским делам комитет.

По итогам реформы из бывших помещичьих крестьян было образовано 119 волостей, в которых числилось 640 сельских обществ [11, с. 39]. Крестьянские поселения располагались неравномерно: основная масса надельных крестьян сосредотачивалась в Миусском (впоследствии Ростовском и Таганрогском округах) и Донецком округах, в остальных округах существовали отдельные крестьянские волости и слободы. Крестьяне, освобожденные реформой 1861 г. образовали коренное крестьянское население, имевшее собственное управление. По данным статистики, в 1890 г на территории области насчитывалась администра-

тивных единиц – 121 станица и 133 волости, в 1903 г. – станиц 122, волостей – 143 [7, с. 229 – 239; 8, с. 3]. Общая численность крестьян к концу XIX века составляла около 700 тысяч человек [7, с. 242].

Крестьянские населенные пункты в среднем достигали численности до 5 тысяч человек. Имелись малонаселенные поселения – до 1,5 тысяч, однако выделялись и крупные поселки, с населением в 25 тысяч и более. Села чаще всего традиционно располагались по берегам рек и имели достаточно четко выраженную уличную планировку. В центре поселения находилась площадь с церковью, на центральной улице, как правило, располагались сельское правление, торговые лавки и прочие общественные заведения. Образованные на территории казачьих станиц поселения крестьян выделялись в отдельные слободы.

Жилой массив составляли крестьянские дворы. У крестьянства и казачьего населения на Дону, как и в целом на юге России и Украины, был распространен открытый тип двора. Двор как хозяйственная единица включал передний двор, жилой дом (иногда два – в зависимости от состава семьи), хозяйственный двор и небольшой огород, в очень редких случаях еще и сад. Дворы огораживались забором из сырцово-каменного кирпича (самана), дикого камня или плетня [6, с. 218]. Жилые дома возводились чаще всего из того же самана и представляли собой продолговатое приземистое здание с земляным полом и камышовой или соломенной крышей. На крыше устанавливались трубы из хвороста, камыша или досок, обмазанные глиной. Дома также обмазывались глиной и белились внутри и снаружи. Наиболее состоятельные использовали в качестве строительного материала для домов обработанную древесину, крыши покрывались железом. Дома бедных жителей представляли собой ветхие строения, сооружаемые из дикого камня и хвороста. Исследователь региона Номикосов отмечал, что дома в населенных пунктах сильно различались по внешнему виду, что определялось материальным достатком домохозяев: «хата... с каморкою уступает иногда место прехорошенькому домику, напоминающему казачий курень, а в другой раз превращается в безобразную конуру...» [10, с. 327].

Внутренняя планировка жилища включала в себя 3 составные части: сени с чуланом, «жилую» комнату, где повседневно располагалась семья, готовилась еда, и находился весь кухонный скраб, и «горницу» («чистую хату»), предназначавшаяся для семейных торжеств, приема гостей. Число жилых комнат могло увеличиваться в зависимости от состава и благосостояния семьи. Интерьер не отличался разнообразием и включал определенный набор вещей, встречающихся практически в каждом доме. В сенях была отгорожена кладовая, здесь же нередко устраивались закрома для зерна, располагалась мелкая хозяйственная утварь. В чулане находились сундуки с одеждой. В жилой комнате находилась печь с лежанкой, здесь же располагалась деревянная мебель – стол, лавки, на которых спали, иногда жесткие деревянные диваны, посудный шкаф. Женщины-крестьянки занимались ткачеством и прядением шерсти, поэтому в доме могли находиться ткацкий станок и прялки. В горнице – так называемой «чистой» хате в переднем углу располагались иконы, а под ними стол, от которого в обе

стороны тянулись лавки. На столе, покрытом скатертью или широким полотенцем, всегда лежали хлеб и соль. В левом заднем углу – помещается поставец, род деревянного шкафа, или просто полки, прибитые к стене [10, с. 327]. Мебель, сделанная местными мастерами, была в основном деревянной, простой конструкции. В конце XIX – начале XX века она стала вытесняться более разнообразной мебелью.

Из-за трудностей отопления больших помещений, комнатки в доме были довольно тесными, к тому же зимой в дом часто заносили птицу, новорожденный приплод домашних животных. Освещалось помещение фитилями – ватными или тканевыми, опущенными в сало или масло, лучинами. С конца XIX века получили распространение керосиновые лампы. Керосин закупался в местных лавках и составлял значительный расход. В целом, жилищные условия были довольно тяжелыми.

Многие дома имели два выхода: на улицу – с укороченным по мере возможности крыльцом, и в хозяйственный двор. На переднем чистом дворе находились амбары для зерна, навесы для инвентаря и повозок и так называемые «пуньки» («хижки») – небольшие холодные строения, использовавшиеся в качестве подсобных помещений. На заднем дворе располагались помещения – сараи для скота, сеники, и конюшня. Во дворе обязательно устраивали погреб, часто со специальной ямой для льда. Рядом с домом копали колодец – так называемый «копань» – воронкообразное углубление с земляными стенами. В конце XIX в. появляются цементные бассейны, где собиралась дождевая вода. Зажиточные крестьяне, по примеру соседей-казаков, строили во дворах или чаще – на берегу реки бани, в которые приходили за платой мыться односельчане [6, с. 219].

Номикосов отмечает, что крестьяне отличались чистоплотностью, «большинство хат содержится очень чисто и порядочно..., какова бы ни была хозяйка неряха, все же снаружи она свою хату вымажет, выбелит, дабы перед соседками стыдно не было». Что же касается содержания двора, то здесь – совершенно иная картина: «...редкий содержит оный опрятно и навоз накапливается здесь десятками лет...» [10, с. 328].

Несоблюдение санитарных норм было главной причиной непрекращающихся эпидемий. Особенно тяжелой была ситуация с обеспечением питьевой водой, которую набирали из родников. В донесениях окружных врачей сообщалось о постоянном загрязнении воды и воздуха. Так, в рапорте окружного врача Донецкого округа отмечалось систематическое загрязнение воды отходами животноводства. Врач заявлял, что во время поездки по округу им были замечены плотины, состоящие из навоза, загрязнявшего водоемы. Кроме того, у крестьян существовал обычай выбирать землю для строительного материала на улицах напротив домов, в результате образовывались большие ямы, которые потом не засыпались землей, и в них постоянно сваливали навоз, часто трупы павших животных. Так как в подобных местах скапливалась дождевая вода, то в жаркое время года отходы начинали сильно гнить и разлагаться, заражая воздух и вместе с дождями попадая в водоемы. К контролю за санитарным состоянием предлагалось привлечь полицейские органы и местную администрацию [1, л. 58 – 58 об.].

Статистика по заболеваемости была очень высокой. В течение года в разных местностях могли одновременно распространяться оспа, корь, скарлатина, тиф и прочее. В некоторых случаях, особенно среди детей, смертность достигала 50 и более процентов. В случае возникновения эпидемий принимались медико-полицейские меры (лечение, установление карантина). Вспышки заболеваний были частыми, врачей и фельдшеров не хватало [1], поэтому профилактика приобретала особое значение. Казаки могли получать медицинскую помощь в войсковых приемных покоях и госпиталях, организация же медицинской помощи для крестьян была возможной – за редким исключением, – посредством системы земских учреждений, дорогостоящих вольнопрактикующих врачей или же оставалось полагаться на народных лекарей.

Большой проблемой для населения оставались частые пожары. В случае возникновения пожара огонь быстро распространялся по камышовым и соломенным крышам, горели деревянные дворовые постройки. Особенно сильные пожары приводили к уничтожению значительного числа домостроений; летние пожары на полях уничтожали посевы, запасы сена. Для борьбы с пожарами предпринимались разноплановые мероприятия. По линии земских органов санкционировалось создание пожарных обозов, противопожарных дружин из числа добровольцев. Выпускались обучающие программки, проводились беседы с населением, предлагалось перейти к устройству глиносоломенных крыш [4]. *Среди внедряемых мер было введение страхования, и создание страхового капитала на случай пожара. Однако все эти мероприятия не осуществлялись в полной мере.*

Важное административное и хозяйственное значение имело состояние дорог. Для крестьянского землепользования была характерна чересполосица, с которой была связана еще одна проблема – длинноземелье – растянутость многодворных сел и их земельных владений. Эти обстоятельства особенно негативно сказывались при сборе урожая, удлинняя время жатвы, при перевозке собранного урожая и перегонах скота. Исправное содержание дорог и мостов входило в число натуральных повинностей, отбывавшихся населением. Вследствие отсутствия практики планомерного дорожного строительства и должного контроля со стороны администрации состояние дорог находилось, по многим отзывам – «в невозможном виде» [4, с. 35; 9]. Большой проблемой оставалось устройство подъездных путей к железнодорожным станциям и пристаням. *В условиях плохого состояния путей сообщения широко использовался гужевой транспорт, что было не только экономически невыгодно, требовало больших затрат времени, но и территориально ограничивало масштабы развития крестьянской сельскохозяйственной торговли [4, с. 35].* Жители отдаленных районов не имели возможности самостоятельно организовать перевозку продукции и потому вынуждены были обращаться к посредникам и продавать продукцию по заниженным ценам, диктуемым скупщиками [5].

Важную роль в развитии инфраструктуры крестьянских поселений сыграли земства. На средства земства открывались социальные объекты, производилось благоустройство жизни крестьян. Так, наибольшее число начальных учебных заведений в крестьян-

ских селах было открыто именно в период 70 – 80 гг. XIX в., земские управы выступали за организацию противопожарных мероприятий, развитие медицинских учреждений. Однако земства на Дону просуществовали недолго (с 1876 – 1882 гг.), вызвав своей деятельностью недовольство, прежде всего казачества, вынужденного помимо несения военной службы теперь еще уплачивать земские сборы; в печати, выступлениях общественности отмечалось также нерациональное распределение земских средств [9]. После ликвидации земских управ были созданы распорядительные комитеты, ведавшие земскими сборами и их распределением. Проводимые комитетами мероприятия в рамках благоустройства жизнедеятельности населения были недостаточно эффективными, поскольку низкий материальный уровень жизни населения приводил к росту недоимок по земским сборам. Казачество находилось в более выгодном положении, т. к. в случае невозможности содержать те или общественные учреждения оно могло рассчитывать на пособие от войсковой администрации. Вся социальная инфраструктура в крестьянских поселениях зависела в итоге от благосостояния самих обществ. Кроме того, причина возникновения трудностей организации социальной и бытовой жизни крестьянства заключалась в несогласованности работы различных ведомств и административных структур, а иногда и прямая их конфронтация, например, земских управ и местной администрации – сельских и волостных правлений. Примечательно, что местная администрация считала, что негативные проявления жизни крестьян коренились в «обычных условиях народа, ... в невежественных его понятиях ...» [2, л. 1 – 2, 2 об., 20 – 20 об.].

Для налаживания жизни общества издавались инспекции, проводились инспекции, однако при общем низком уровне жизни населения всех мероприятий было недостаточно. Интересен тот факт, что на благоустройство жизни обществ использовались доходы от питейных заведений. Само явление пьянства широко критиковалось и местной администрацией, и церковью, и жителями, однако отмечалось, что введение монополии на винную торговлю привело к сокращению питейных доходов сельских обществ [4, с. 34]. *Столь оцутимое значение питейных доходов стало одним из проявлений системного кризиса общества: аграрное население фактически оставалось без государственного попечительства, а производственная сфера не приносила необходимого дохода.*

В наиболее худшем положении находились «иногородние» крестьяне, переселяющиеся в область уже после реформы 1861 г. Дон традиционно оставался одним из регионов активной крестьянской колонизации, во многом объяснявшейся обилием пустующих земель и широкими возможностями аренды. В последней четверти XIX в. Дон входил в число крупнейших хлебоэкспортных регионов, что способствовало значительному притоку иногороднего аграрного населения. Иногороднее крестьянство сыграло значительную роль в хозяйственном развитии региона: вводились в эксплуатацию пустующие земельные массивы, переселенцы были источником наемной рабочей силы, занимались торговлей. Однако в социально-правовом отношении иногороднее крестьянство представляло собой наименее защищенную часть населе-

ния, не могли создавать собственные органы управления, не имели доступа к общественным благам.

Имевшие возможности арендовать землю крестьяне составляли отдельные общества, и с разрешения администрации образовывали целые поселки или же в одиночку поселялись на крестьянских или войсковых землях. Другой вид – это самовольные поселенцы, нелегально поселявшиеся на донской земле. Благополучие мигрантов значительно различалось: среди них находились весьма состоятельные хозяева, однако наибольший процент составляли мелкие арендаторы и беднейшие элементы, пополнявшие ряды сельскохозяйственной наемных рабочих. Временный характер поселений, существование которых определялось чаще сроком аренды, отразился на их внешнем виде и устройстве. Постройки в поселениях обычно имели достаточно простую конструкцию, поскольку по истечении срока аренды хозяин переносил усадьбу на новый участок, и «хуторок опять готов» [3, с. 130]. Наиболее богатые имели дома, рубленные из дерева, беднота, не имевшая средств на постройку дома, часто жила в землянках. Исследователь Дона Е. П. Савельев, подчеркивал крайне низкий уровень жизни массы иногородних: «Временные поселения крестьян, хотя многие из них существуют десятки лет, разбросаны по войсковым землям во всех округах области и представляют из себя, в большинстве случаев, группы вырытых в земле или сложенных из глины хат – землянок, крытых соломой, с базами – загонами для скота из той же соломы и навоза. За исключением не многих больших и старых поселений, школ и церквей в них нет. Нет также никакого общественного управления. Санитарные условия самые убийственные. Медицинской помощи – никакой» [11, с. 55]. Жизненный уровень массы иногороднего крестьянского населения был на грани выживания, кроме того, по мере увеличения числа поселков, а

также численности населения в них с возникновением земельного дефицита казачьих станиц, поселения крестьян – арендаторов становились излишним бременем, их начинали стеснять. Проводились насильственные выселения иногородних крестьян, особенно самовольных поселенцев. Мероприятия, направленные на защиту земельных прав казаков, для массы крестьян имели самые тяжелые последствия: прожившие по несколько десятков лет на донской земле, активно занятые в хозяйственной деятельности, крестьяне одновременно теряли все, разорялись. Вывозили все, что можно было с собой забрать, остальное продавали за бесценок [11, с. 55 – 59]. Вопрос с положением иногороднего населения приобретал острый характер, поскольку речь шла о тысячах крестьян.

Таким образом, организация бытовой жизни донского крестьянства напрямую зависела от благополучия сельских обществ и экономических возможностей отдельных домохозяев. Общий уровень жизни крестьянского населения оставался крайне низким, что объяснялось отсутствием реальной государственной поддержки в организации социальной инфраструктуры, недостаточной финансовой обеспеченностью самих крестьянских обществ, необходимостью уплаты многочисленных податей и налогов. Средства, направляемые из земских сумм на благоустройство крестьянских поселений, были недостаточными. И если исследователи отмечали, в отношении казачества, ухудшение его экономического положения в конце XIX – начале XX века, то положение крестьянства было на грани бедственного. Между тем, уже современники подчеркивали важность повышения качества жизни крестьянства, справедливо отмечая, что «улучшение быта многомиллионного земледельческого населения есть дело общегосударственное» [11, с. 75].

Литература

1. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 52. Оп. 1. Д. 35.
2. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 2121.
3. Гривин А. Г. Записка о населенных местах Черкасского округа за 1871 год // Труды области войска Донского статистического комитета. Вып. 2. Новочеркасск, 1874.
4. Греков А. М. Нужды Дона в трудах местных сельскохозяйственных комитетов // Сборник Области войска Донского статистического комитета. Вып. 5.
5. Коломейцева М. А. К вопросу о развитии крестьянской сельскохозяйственной торговли в конце XIX – начале XX века // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2011. № 2. С. 82 – 85.
6. Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма / под ред. А. М. Анфимова Ростов н/Д., 1990. 263 с.
7. Памятная книжка Области войска Донского (далее ПК ОВД) на 1892 год. Новочеркасск, 1892.
8. ПК ОВД на 1905 год. Новочеркасск, 1905.
9. По земскому вопросу // Донские областные ведомости. 1880. № 82. (18 октября).
10. Номикосов С. Ф. Статистическое описание земли войска Донского. Новочеркасск: Областная войска Донского типография, 1884. 776 с.
11. Савельев Е. П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим. Историко-статистический очерк. Новочеркасск, 1917. 77 с.

Информация об авторе:

Колемейцева Мария Андреевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Донского государственного аграрного университета, 8-905-429-06-23, marijaandreeva@mail.ru.

Mariya A. Kolomeytseva – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Philosophy and History, Don State Agricultural University.

Статья поступила в редколлегию 16.12.2014 г.